

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк

**ФАКТОРЫ РЕЖИМНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ И ТИПЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ**

(Часть 1)

Препринт WP14/2011/04 (ч. 1)

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2011

УДК 303:321
ББК 66.2в7
М48

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

М48 **Мельвиль, А. Ю.** Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах : препринт WP14/2011/04 (ч. 1) [Текст] / А. Ю. Мельвиль, Д. К. Стукал, М. Г. Миронюк ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. – 52 с. – 150 экз.

Данный препринт опирается на материалы двух исследовательских проектов, осуществленных в 2010–2011 гг. Лабораторией качественных и количественных методов анализа политических режимов при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Анализ режимных изменений в современном мире: новые демократии и/или новые автократии» (ТЗ-9.3) и «Анализ факторов развития и упадка государственности в социалистических и постсоциалистических странах Европы и Азии второй половины XX – начала XXI вв. с помощью количественных и качественных методов (включая QCA, Qualitative Comparative Analysis)» (ТЗ-47.0). Препринт посвящен изучению факторов, влияющих на трансформации политических режимов на посткоммунистическом пространстве. В центре исследований – относительная значимость структурных («объективных») и процедурных (актор-ориентированных) факторов, а также факторов, связанных с государственностью и государственной состоятельностью. Выводы исследования опираются на результаты применения методов многомерного статистического и качественного сравнительного анализа.

УДК 303:321
ББК 66.2в7

Ключевые слова: режимные трансформации, демократия, демократизация, индекс демократии, государственность, государственная состоятельность.

Мельвиль А.Ю. – Лаборатория качественных и количественных методов анализа политических режимов ЦФИ НИУ ВШЭ.

Стукал Д.К. – Лаборатория политических исследований факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ.

Миронюк М.Г. – Лаборатория качественных и количественных методов анализа политических режимов ЦФИ НИУ ВШЭ.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Мельвиль А.Ю., 2011
© Стукал Д.К., 2011
© Миронюк М.Г., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

1. Постановка проблемы¹

Почему одни страны становятся демократиями, а другие нет? Что нужно для успешной демократизации? Нужны ли для демократии какие-то специфические предварительные условия какого бы то ни было характера – социально-экономические, геополитические, цивилизационные, культурно-ценностные и пр. – или определяющими являются решения и действия политических акторов, стремящихся к демократии или противящихся ей? Могут ли «страны-неудачницы», лишенные своей историей возможности вкусить блага демократии, выбраться из авторитарной «колеи зависимости» благодаря «субъективным» стратегиям, тактикам и волевым действиям «демократизаторов» или их судьба – ждать вызревания «объективных» условий для демократии? Все это совсем не новые вопросы, на которые давались и даются разные ответы. В один из центральных фокусов сравнительных политических исследований эти вопросы превратились в 1950–1960-е годы, как под влиянием попыток осмысления отнюдь не всегда удачного опыта модернизации и «прививки» институтов западного типа освобождающимся после Второй мировой войны бывшим колониальным странам, так и в результате развития новых количественных и качественных методов сравнительного анализа и значительного расширения эмпирического исследовательского поля. Следующий всплеск такого рода исследований последовал за «третьей волной» демократизации, с конца 1970-х годов. Его сегодняшней кульминацией стали попытки разобраться в факторах и результатах политических трансформаций, во многом очень неоднозначных, в посткоммунистических странах.

¹ Данный препринт опирается на материалы двух исследовательских проектов, осуществленных в 2010–2011 гг. при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Анализ режимных изменений в современном мире: новые демократии и/или новые автократии» (ТЗ-9.3) и «Анализ факторов развития и упадка государственности в социалистических и постсоциалистических странах Европы и Азии второй половины XX – начала XXI вв. с помощью количественных и качественных методов (включая QCA, Qualitative Comparative Analysis)» (ТЗ-47.0). Помимо авторов препринта, среди участников этих исследовательских проектов – М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, О.Г. Харитонова, Т.Е. Хавенсон, М.А. Еременко, О.Т. Гаспарян, Е.И. Жарикова, Д.В. Сальникова, Д.И. Зверева и А.С. Утемова.

В конце 1980 – начале 1990-х годов в политическом дискурсе возобладал удивительный и ни с чем несравнимый дух демократического оптимизма, когда вдруг показалось, что политическая и общественная реальность стала пластичной и ее можно лепить или конструировать по известным демократическим лекалам. Дух того времени хорошо отражает точное название книги Джузеппе Ди Пальма “To Craft Democracies” (1990 г.) – как «изготовить» демократию, именно «вылепить», а не «вырастить». Тогда же укрепилось векторное представление о мировой динамике: от распада тех или иных форм авторитаризма – к либеральной демократии и рыночной экономике. Как будто «Коммунистический манифест» наоборот – все страны раньше или позже придут к торжеству демократии. Либеральная демократия воспринималась тогда как универсальная ценность и всеобщая цель развития. Двадцать лет спустя, однако, политический мир выглядит совсем иначе. Как будто после какого-то «Большого взрыва», траектории политического развития разлетаются в разные стороны, разрушая привычные режимные типологии. Мировая динамика вовсе не линейна, реальность уже не кажется пластичной, универсальной модели глобального развития нет. Нет единого вектора развития для всех стран и народов, нет единого будущего человечества – коммунистического, либерального, рыночного и любого иного – есть разнонаправленность, множественность миров в нашем современном «глокальном» мире. Надежды и иллюзии по поводу ожидавшегося единого и всеобщего вектора глобального политического развития – от авторитаризма к демократии – практически забыты.

Сегодня больше говорят о «демократическом откате» (Diamond 2008), «диффузии авторитаризма» (Ambrosio 2010), «демократической стагнации» и «постдемократии» (Crouch 2004), угрозе вырождения демократии в охлократию или «аудиторную демократию» (Манен 2008). Демократические достижения прошлых десятилетий названы «лексическими победами» демократии (Данн 2010). Сама демократия уже не воспринимается многими как универсальная ценность и модель для подражания. В конце 1990-х активно обсуждался сюжет о «демократии с прилагательными» (Collier and Levitsky 1997), сейчас в пору говорить об «автократиях с прилагательными».

Чем объясняется такое разнообразие результатов режимных изменений последних десятилетий? Почему так много транзитов и трансформаций так и не привели к демократизации? Какие факторы оказались решающими для результатов режимных изменений – *отсутствие (или*

недостаток) «объективных» условий для демократии или «субъективные» действия политических акторов, вытекающие то ли из их «злой воли», то ли из личных амбиций и интересов, то ли из их непредумышленных ошибок? В частности, как факторы, имеющие отношение к характеру государственности и государственной состоятельности, связаны с общими траекториями посткоммунистических политических трансформаций и их режимными результатами?

Поставим вопрос шире: существуют ли какие-либо условия «объективного» характера, способствующие или препятствующие формированию демократических институтов и практик, и что (или кто) определяет пределы («потолки») демократического развития в конкретном социально-историческом контексте?

Альтернативные объяснительные модели

В современной литературе, посвященной проблемам демократии, факторам ее возникновения и поддержания, проблемам изменения политических режимов и др., выделяются две крупные – и альтернативные в теоретико-методологическом отношении – модели. Первая, возникшая в качестве магистральной объяснительной модели в сравнительной политологии в 1950–1960-е годы, исходит из тезиса о том, что возникновение институтов политической демократии является *результатом определенных «объективных» процессов и наличия соответствующих предпосылок*. Эти так называемые «структурные» процессы и предпосылки имеют разную природу и относятся к историческим, социально-классовым и социально-экономическим факторам, особенностям нациеобразования и государственного строительства, типу политической культуры, особенностям экономического развития, степени гомогенности или фрагментированности общества и др. Главное, что эти предпосылки имеют историческую природу, они объективны и не зависят от конкретных решений и действий политических акторов. Соответственно, отсутствие этих условий и предпосылок задает ограничения и «потолки» возможного демократического развития. В обоснованиях преимущественной роли «структурных» факторов в качестве необходимых условий и предпосылок демократии выделяются следующие основные аргументы:

Переход от аграрного к индустриальному обществу и формирование новой социальной структуры с центральной фигурой буржуа (Moore 1966; Rueschemeyer, Stephens and Stephens 1992). В каком-то смысле это

даже не аргумент, а априорная посылка, вытекающая из нормативного понимания «современной» демократии.

Начиная с Д. Растоу (Rustow, 1970), в литературе, посвященной демократии и демократизации, в качестве их едва ли не обязательных предпосылок рассматриваются *национальная идентичность и эффективное государство, государственность* (Tilly 2007, Fukuyama 2007, Mansfield and Snyder 2007 и др.). События 1989–1991 гг., распад социалистической системы и СССР и формирование новых государств дали толчок для появления разнообразных исследований, посвященных государственному строительству и формированию наций в контексте проблематики демократизации (Linz and Stepan, 1996; Bunce 1999; Evans 1997; Fukuyama 2005; Fukuyama 2007; и др.). В одних случаях акцент был сделан на изучении логики и обстоятельств имперского распада, в других – на роли культурно-цивилизационных, этнических, религиозных, а также институциональных факторов и процессов, связанных с распадом и развитием государственности. Отдельное направление исследований связано с интенсивно обсуждаемой в современной литературе по посткоммунистическим режимным трансформациям проблематикой «последовательности» (sequencing): должно ли формирование дееспособного и эффективного (при всех различиях в трактовке критериев эффективности) государства предшествовать демократизации и экономическим реформам или же эти процессы могут идти параллельно?

Относительно высокий уровень экономического развития как условие стабильности демократии. Это едва ли не доминирующее направление аргументации, породившее гигантскую литературу теоретического и эмпирического характера. Начиная с основоположника этой теоретической модели С.М. Липсета (Lipset 1959) и его эпигонов, изначальный тезис состоит в том, что относительно высокий уровень экономического развития способствует демократии (поскольку порождает новую социальную структуру – прежде всего, средний класс, требующий представительства своих интересов посредством демократических институтов). Более поздние эмпирические исследования, тоже ставшие классическими (Przeworski and Limongi 1997; Przeworski et al. 2000), вносят в эту линию аргументации достаточно серьезные коррективы: демократизация может начинаться при разных (в том числе относительно низких) уровнях экономического развития, однако высокий ВВП на душу населения представляет собой хорошую гарантию против упадка существующего демократического режима и его замены авторитаризмом. На сегодня это

доминирующая тема в литературе по проблемам экономических факторов демократизации, хотя дебаты и критика аргументов А. Пшеворского и его коллег продолжаются (Boix 2003; Boix and Stokes 2003; Acemoglu and Robinson 2006; Epstein, Bates, Goldstone, Kristensen and O'Holloran 2006).

Политическая культура «гражданского» типа (Almond and Verba 1963) – аргумент, тоже ставший почти классическим, хотя целый ряд социологических исследований показал, что сами переходы к демократии могут начинаться в условиях, когда «гражданские» ценности не являются ни доминирующими, ни сколько-нибудь распространенными. В последующих разработках акцентируется роль общественно признаваемых так называемых «ценностей эмансипации», а также ценностей равенства и толерантности (Inglehart and Welzel 2005; Fish 2009). Но и эти выводы оспариваются (Teorell and Hadenius 2006; Teorell 2010).

Отсутствие в обществе непримиримых или острых расколов – социальных, этнических, религиозных, территориальных и др., а также чрезмерной фрагментации и сегментации общества (Chirot 2009). Опять-таки, это распространенный в литературе аргумент, но не универсальный, хотя бы потому, что выносит за скобки прецеденты демократического строительства в «многосоставных» обществах (в терминологии А. Лейпхарта).

Экономическое развитие, не основывающееся на ресурсной модели государства-рантье (Huntington 1991; Ross 2001; Gurses 2009; Treisman 2010). При сохраняющихся нюансах в оценках, по этому вопросу существует относительное согласие.

Религиозные традиции протестантизма (и позднее – католицизма) как благоприятные условия для демократии. Здесь доминирует тема ислама как препятствующей демократизации религиозной культуры и двойственных эффектов православия, буддизма и конфуцианства при практически отсутствующей теме иудаизма (Fish 2001; Diamond 2010). При кажущейся очевидности, вопрос о взаимоотношениях ислама и демократии тем не менее не закрыт, о чем свидетельствуют как продолжающиеся дискуссии (Ibrahim 2007; Elshtain 2009), так и недавние революционные свержения ряда диктатур в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Появляются также работы, в том числе эмпирического характера, переводящие эту проблему из плана эффектов ислама в область социокультурных «арабских традиций» (Diamond 2010; Teorell 2010).

Качество институтов как характеристика стабильной и эффективной демократии. Это особенно модная тема, начиная с серии исследований под эгидой Всемирного банка, World Peace Foundation, Фонда Бертельсмана и др. Факт корреляции между уровнем демократии и качеством институтов налицо. Вместе с тем многочисленные исследования, посвященные этой проблеме, не дают все же оснований для сколь угодно однозначных выводов о причинной зависимости между демократией и качеством институтов: то ли демократия ведет к повышению качества институтов, то ли высокое качество институтов способствует установлению демократии, то ли связь носит двусторонний характер, обуславливая «эффект самоусиления институтов».

Отсутствие в обществе чрезмерного имущественного неравенства (важная для теории демократии идея, истоки которой можно проследить еще в Античности). Очень часто в современных исследованиях этот фактор учитывается с помощью коэффициента Джини. При этом в ряде исследований содержатся эмпирические свидетельства того, что имущественное (и иное) неравенство препятствует не демократизации как таковой, а демократической консолидации (Przeworski et al. 2000; Voix 2003; Acemoglu and Robinson 2006; Houle 2009). В исследованиях Т. Ванханена фактор неравенства трактуется расширительно – в аспекте распределения совокупных ресурсов (Vanhanen 1997).

Международные влияния на режимные изменения, происходящие в отдельных транзитных странах или группах стран. За последние два десятилетия лет появился буквально шквал литературы (как аналитической, так и сугубо политической направленности), представляющий целый спектр позиций и аргументов, в том числе в отношении конкретных внешнеполитических стратегий. Хотя их анализ не входит в наши задачи, важно зафиксировать одну четко выявленную в литературе зависимость – между типом формирующегося режима и его открытостью внешним (каким бы то ни было, идущим от какого бы то ни было источника – США, ЕС, РФ, Китая, Турции, Ирана и т.д.) влияниям (Kopstein and Reilly 2000; Pevehouse 2002; Burnell 2004; Vanhanen 2005; Barany and Mozer 2009).

Перечень структурных факторов, потенциально выступающих в качестве условий (благоприятных или неблагоприятных) демократии, может быть продолжен. Так, в некоторых исследованиях выделяется роль климатических условий и общенациональный коэффициент интеллекта, IQ (Vanhanen 2009). Но в любом случае перечисленные выше факторы рассматриваются в существующей литературе как наиболее значимые. За-

метим также, что появились сравнительные исследования, показывающие, что эти факторы в зависимости от конкретного исторического контекста могут проявляться с различной интенсивностью (Moeller and Skaaning 2011).

Альтернативный – процедурный, актор-ориентированный – подход, делающий упор на субъективные факторы, влияющие на характер и направленность режимных трансформаций, исходит не из «органистического» представления о возникновении («произрастании») демократии из набора объективных предпосылок, а из своего рода конструктивистской установки, согласно которой *демократические институты и практики можно «сконструировать» по определенным «лекалам»*. Сторонники данного подхода (O'Donnell and Schmitter 1986; Di Palma 1990; Huntington 1991; Przeworski 1992; Linz and Stepan 1978; Linz and Stepan 1996; Colomer 2000 и др.) объясняют траектории и результаты демократических транзитов преимущественно раскладом политических сил, решениями и действиями ключевых политических игроков.

В первую очередь, это характер и особенности «выхода» из авторитаризма (или посттоталитаризма) при начале демократического транзита – особенности кризиса правящих компартий; инициатива реформ «сверху» либо «снизу»; мирное протестное давление «снизу» («мирные демонстрации»); наличие или отсутствие «пакта»/«круглого стола»; влияние институционального дизайна, избираемого для новой демократии (форма правления, характер партийной и избирательной систем) и др. Рассматриваются также и такие факторы, как взаимоотношения между «старой» и «новой» оппозицией и в целом – формирующаяся система взаимодействий между ключевыми политическими акторами на всех стадиях режимной трансформации (во многих случаях в соответствующей литературе используются модели теории игр); смена или сохранение старых элит (пусть, в каких-либо «превращенных» формах); характер проведения первых учредительных выборов (founding elections) и особенности вторых выборов («выборов разочарования»); ротация власти как один из ключевых критериев демократического правления; уровни реальной (неформальной) политической конкуренции, прежде всего на выборах главы государства и легислатуры; использование властью или оппозицией насилия для достижения политических целей; отношение к внешним воздействиям, наличие или отсутствие эффективных институциональных ограничителей (в том числе реального разделения властей), препятствующих злоупотреблениям полномочиями исполнительной власти, и др.

Важно подчеркнуть, что при всех их различиях не следует преувеличивать непримиримость структурного и процедурного подходов к анализу демократии, демократизации и режимных изменений. Влияние «объективных», структурных факторов осуществляется через субъективные действия реальных политических акторов, в то время как особенности принимаемых акторами решений и выбираемых ими стратегий и тактик в свою очередь во многом коренятся в специфике исторических, культурно-цивилизационных, социально-экономических и иных условий.

Тем не менее в реальных исследовательских практиках эти два теоретико-методологических подхода используются в качестве двух альтернативных объяснительных моделей в анализе многообразия режимных трансформаций «третьей волны». При этом наработанные на сегодня «тонны» теоретической и эмпирической литературы вряд ли дают основания для какого-либо однозначного вывода о том, какие из указанных факторов структурного и процедурного характера оказывают преимущественное влияние на результаты режимных изменений, а также «где» и «когда» это влияние проявляется наиболее интенсивно. Практически на каждый аргумент в современной литературе по рассматриваемой нами проблематике можно найти соответствующий контраргумент. Это относится как к качественным, так и к количественным исследованиям факторов демократизации.

Ситуация осложняется еще одним обстоятельством, которое не так часто получает четкую теоретико-методологическую формулировку: существуют ли достаточные основания считать, что все совокупности рассматриваемых в рамках описанных выше объяснительных моделей факторов демократизации могут претендовать на универсальный характер? Иными словами, каковы аргументы, позволяющие утверждать, что возникновение и динамика существующих или возникающих демократических институтов и практик в самых различных социально-исторических и иных контекстах подчиняются некоторым единым закономерностям? Казалось бы, бесчисленные, посвященные анализу факторов демократизации качественные и количественные исследования как раз и направлены на выявление этих универсальных закономерностей. Вместе с тем их неоднозначные результаты могли бы потребовать более четкого и обстоятельного рассмотрения самой посылки об универсальном характере этих факторов (см. Geddes 2007). Как бы то ни было, главная проблема нашего исследования остается не до конца проясненной.

2. Гипотезы

На основе критического анализа существующей литературы по исследуемой проблематике нами были сформулированы следующие гипотезы:

1. Структурные факторы (благоприятные предпосылки) не определяют траектории посткоммунистических режимных трансформаций, но имеют преимущественное значение на этапе демократической консолидации.
2. Политические решения и стратегии ключевых акторов в решающей степени определяют характер, траектории и результаты режимных изменений в посткоммунистических странах.
3. Пределы («потолки») демократизации могут быть связаны с неблагоприятными структурными условиями, однако политические решения и избираемые стратегии политических акторов способны преодолевать их и определять направления и результаты посткоммунистических трансформаций.
4. Траектории посткоммунистических трансформаций связаны с уровнями и динамикой государственной состоятельности (способностью и качеством осуществления государством своих функций).

Мы проверяем эти гипотезы с помощью количественного и качественного анализа, используя для этого специально созданную базу данных и сравнительный анализ казусов.

3. База данных и методология

Используемая нами база данных включает показатели разных типов, в том числе данные статистики, релевантные индексы, экспертные оценки. Выбор показателей вытекает из критического анализа литературы по рассматриваемой нами проблематике. При этом необходимо отметить, что, несмотря на богатство эмпирических данных статистической природы, собираемых различными статистическими службами, целый ряд важных для нашего исследования показателей не поддается измерению через систему числовых индикаторов. К числу таких показателей относятся, например, различные аспекты переходных политических процессов, принимаемые в ходе транзита политические решения и др. (особен-

ности «выхода» из авторитаризма, приход к власти оппозиции в результате конкурентных выборов, особенности избираемого институционального дизайна, использование насилия при разрешении политических и иных конфликтов, открытость международным воздействиям, изменчивость базовых конституционных правил, согласие по основам конституционного порядка, «приватизация» государственных полномочий группами и кланами и т.д.).

Работа с экспертными оценками сопряжена с целым рядом проблем, осложняющих обработку собранной информации: единство критериев измерения признака для каждого объекта; валидность и надежность измерения; порядковая природа шкалы измерения, затрудняющая применение традиционных методов регрессионного анализа. Особенно острой является проблема валидности, поскольку специфика исследовательского фокуса внимания и личный опыт могут вызывать систематические (а не только случайные) ошибки измерения, приводящие к деформации оценок и отсутствию валидности. Тем не менее экспертные оценки являются неотъемлемой частью эмпирических исследований в политической науке. Достаточно указать на то, что два наиболее часто используемых индекса демократии – индексы Polity IV и Freedom House – основаны на экспертных оценках. В качестве критериев, позволяющих оценить качество экспертных оценок, можно выделить прозрачность алгоритма кодировки, доступность исходных данных для их перепроверки, квалификацию экспертов и др.

В нашем исследовании используются как статистические данные, так и экспертные оценки, удовлетворяющие отмеченным выше критериям: для каждого экспертно оцениваемого показателя мы указываем шкалу и содержательный смысл показателя, а также публикуем исходный массив данных для проверки предложенной нами кодировки всеми заинтересованными исследователями.

Всего в массиве анализируемых данных собрано более 50 переменных, группируемых в шесть блоков:

1. Переменные, отражающие характер экономического развития (ВВП на душу населения; ежегодный прирост ВВП; экспорт товаров и услуг; импорт товаров и услуг; доля промышленного производства в ВВП; внешний долг; доля экспорта руд и металлов; доля экспорта топлива; и др.).
2. Переменные, отражающие различные социально-демографические характеристики (доля городского населения, годовой прирост насе-

ления, ожидаемая продолжительность жизни при рождении; уровень младенческой смертности; индекс Джини; телефонные линии в расчете на 100 чел.; количество пользователей мобильной связью на 100 чел.; уровень грамотности взрослого населения; индекс образования и др.).

3. Иные переменные преимущественно структурного характера, представленные широко используемыми в эмпирических исследованиях индексами (индекс правопорядка; индекс качества регулирования; индекс восприятия коррупции; индекс подотчетности власти; индекс политически мотивированного насилия и отсутствия стабильности; индекс эффективности государства; индекс качества регулирования отношений в частном секторе; индекс верховенства права; индекс контроля над коррупцией; индекс развития человеческого потенциала; индекс экономической свободы; и др.).

4. Переменные, представляющие собой экспертные оценки и отражающие отдельные характеристики режимных трансформаций и их результатов в соответствии с актор-ориентированным подходом (давление на политическую элиту «снизу» на старте транзита, использование насилия в переходный период, открытость внешним влияниям разного типа, избрание парламентской или президентской системы, приход к власти оппозиции в результате выборов и др.).

5. Переменные, отражающие различные режимные и иные характеристики (в том числе уровни демократического развития) стран выборки по имеющимся временным рядам и рассчитываемые по пространственным индексам (индексы Polity IV, Freedom House, Фонда Бертельсмана, индекс демократии Т. Ванханена и др.).

6. Экспертные оценки различных характеристик государственности и государственной состоятельности (агрессия на территорию данного государства, агрессия данного государства на территорию других государств, степень фрагментации корпуса граждан, гражданская война, консенсус по базовым правилам, адаптация к стандартам международного аудита политических институтов, незаконные вооруженные формирования, «приватизация» государства, изменчивость базовых правил, сепаратизм, терроризм, неопределенность границ, участие в военно-политических блоках и др.).

Массив данных представляет собой пространственно-временную выборку, включающую в себя наблюдения, относящиеся к 28 посткоммунистическим государствам (Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь,

Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Монголия, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Хорватия, Чехия, Эстония, Украина, Узбекистан)² за период времени с 1989 по 2008 г. Ряд переменных экспертного характера закодирован по десятилетиям.

В ходе эмпирического исследования применялся широкий диапазон методов анализа данных для решения различных частных задач, к числу которых относились:

1. Построение интегрального индекса демократии.
2. Выявление регрессионной связи структурных и процедурных переменных с уровнем демократии на конечный момент исследования (2008 г.).
3. Выявление структурных переменных, динамика которых в наибольшей мере связана (в регрессионном смысле) с динамикой интегрального индекса демократии с учетом процедурных особенностей каждого отдельного государства.
4. Выявление структурных и процедурных переменных, позволяющих объяснить межстрановые различия в направленности и интенсивности режимных трансформаций.
5. Выявление типов траекторий режимных трансформаций.
6. Построение эмпирической модели государственности и выделение различных типов государственной состоятельности.
7. Установление связи между типами государственной состоятельности и типами режимных трансформаций.

Необходимость построения интегрального индекса демократии обусловлена тем, что, несмотря на многолетнюю традицию межстранового измерения уровня демократии, на сегодняшний день отсутствует универсально принятый подход к ее измерению. Двумя наиболее распространенными в эмпирических исследованиях индексами являются «Полития» (Polity IV) и индекс Р. Гастила («Фридом Хаус»). Первый из них имеет большой академический авторитет в связи с прозрачностью правил кодирования компонент (четко и недвусмысленно прописанных в справочнике разработчиков) и доступностью исходных данных, что позволяет самостоятельным исследователям проверить исходную инфор-

² Данные по Черногории, независимая государственность которой была оформлена лишь в 2006 г., являются крайне ограниченными, что не позволило включить их в анализ.

мацию и при необходимости скорректировать ее. Команда разработчиков индекса опирается на солидную теоретическую основу, представленную работами Т.Р. Гарра и Г. Экстайна (Gurr 1974; Eckstein, Gurr 1975). Наконец, значения индекса доступны практически для всех государств мира, а также охватывают большой временной период (с 1800 г. по 2010 – на данный момент). Тем не менее, несмотря на эти достоинства, в литературе давно обсуждаются недостатки, присущие индексу Polity IV: узость концептуализации демократии (демократия понимается сугубо институционально и не включает в себя в качестве обязательных компонент ни активность участия граждан в политическом процессе, ни политические свободы) (Jagers, Gurr 1995), несбалансированность вклада компонент в формирование результирующего значения индекса (компонента «система ограничений, наложенных на органы исполнительной власти» оказывает наибольшее влияние на значение индекса) (Gleditsch, Ward 1997), неопределенность типа шкалы измерения (Munck and Verkuilen 2002a; Munck and Verkuilen 2002b).

Индекс демократии, рассчитываемый Freedom House, формируется на основе экспертных оценок (Gastil 1990) и не обладает указанными выше преимуществами индекса Polity IV: исходные данные недоступны, вопрос согласованности оценок экспертов остается не проясненным. Тем не менее экспертные оценки как своеобразные интегральные характеристики политического режима претендуют на отражение более широкого понимания демократии – это несомненный плюс индекса. Другим плюсом является его гибкость: вопросник разработчиков периодически уточняется в целях более четкой фиксации реалий политической ситуации. Наконец, индекс характеризуется широким географическим и хронологическим охватом (хоть и меньшим, чем у индекса Polity IV). Однако широко распространено мнение о необъективности и смещенности оценок Freedom House (Giannone 2010; Bollen and Paxton 2000). В связи с этим мы предпочли пойти по пути исследователей (Teorell and Hadenius 2007; Bäck and Hadenius 2008), формирующих на основе двух упомянутых индексов интегральный показатель, призванный нивелировать (в той мере, в которой это возможно) недостатки исходных индексов. Однако мы отказались от расчета среднего арифметического, выбрав взвешенное среднее, получаемое методом главных компонент.

Метод главных компонент относится к числу методов многомерного статистического анализа, решающих задачу снижения размерности признакового пространства на основе сингулярного разложения ковариаци-

онной (корреляционной) матрицы признаков-компонент. Методологическая привлекательность такого подхода к построению индексов основана, на наш взгляд, на том, что данный метод позволяет:

1. Проверить, действительно ли информация, содержащаяся в исходных признаках, достаточно сходна для того, чтобы можно было на ее основе строить единый индекс.
2. Приписать каждой исходной переменной содержательно обоснованный вес: переменная имеет тем больший вес, чем больше в ней информации, общей для набора анализируемых признаков.

Применение метода главных компонент к двум индексам дает интегральный индекс демократии (так называемый *PCADI – Principal Component Analysis Democracy Index*), линейно связанный со средним арифметическим двух индексов. Тем не менее уже при наличии трех исходных индексов метод главных компонент дает более обоснованный (в указанном выше смысле) результат, нежели среднее арифметическое. Исходя из этих соображений методологического характера, мы предпочли построить интегральный индекс демократии на основе *Polity IV* и *Freedom House* с помощью метода главных компонент.

Другое приложение метода главных компонент состоит в преодолении проблемы мультиколлинеарности в регрессионном анализе. Главные компоненты, вычисляемые как взвешенное среднее исходных признаков, по построению взаимно ортогональны. Это свойство позволяет получить некоторые представления о числе значимых переменных в регрессионном анализе, когда регрессоры сильно коррелируют, а объем выборки мал.

Метод главных компонент был нами применен также к решению задачи измерения типов государственности и государственной состоятельности. При этом мы опирались на существующую литературу по исследуемой проблематике (Bartolini 2000, Frye 2010, Spruyt 1994; Tilly 1975; Evans 1992; Roeder 2007; Fritz 2007; Ильин 1995; Ильин 2005; Ильин 2011; Мелешкина 2011; Ильин, Мелешкина и Мельвиль 2010; и др.); на основании которой были сформулированы основные положения «теневой теории», используемой в нашем анализе типов посткоммунистической государственности и государственной состоятельности.

Отправной точкой нашего анализа по данному исследовательскому направлению являются понятия исторической традиции как непрерывной череды социального наследования поколений. Историческая традиция получает различные формы политического оформления (прежде все-

го в рамках границ определенной территории и выстраивания системы взаимоотношений по линии «центр» – «периферия») и кристаллизуется в формате «страны» как «месторазвития» народа в определенной территориальной нише. Следующим этапом развития является формирование современного «государства», обладающего (со времен Вестфальского мира) свойством взаимного внешнего признания и внутренней способностью осуществлять легитимное насилие на определенной территории. Современное государство представляет собой «ячейку» координатной сетки международной (межгосударственной) системы. Государство (с точки зрения политической компаративистики, которая, впрочем, не во всем соответствует правоведческому подходу) представляет собой определенную рамку, включающую данную политическую систему в координатную сетку мировой политики и международных взаимодействий³.

В соответствии с существующей литературой по политической компаративистике, «государственность» рассматривается как комплекс «статусности» (statehood) и «состоятельности» (stateness). Категория государственности как статусности отражает внешнее и внутреннее признание государства. Категория государственности как состоятельности отражает свойства и характеристики государства в части осуществления своих эволюционирующих по мере государственного развития функций, их объема и качества. Эволюция, распад и становление государственности определяются воздействием совокупности как «объективных» («структурных»), так и «субъективных» («процедурных») факторов.

Различные наборы факторов определяют сходства и отличия в типах упадка и становления государственности на ключевых этапах политической трансформации («транзита»). Вместе с тем базовые модели развития государственности отличаются устойчивостью и значительной степенью инвариантности: новые модели государственности сохраняют значительную долю преемственности и в тех или иных формах склонны к воспроизводству исторически устоявшихся паттернов развития. Мы обосновываем принципиальное для нашей «теневого теории» положение о том, что предшествующие традиции государственности воздействуют на существенные характеристики новых политических режимов, возникающих в ходе политических трансформаций посткоммунистических государств (здесь, в частности, проявляется проблемная и методологическая

³ Данные положения обоснованы в упомянутых выше работах М.В. Ильина.

«связка» наших исследовательских проектов 2010 и 2011 гг., поддержанных Центром фундаментальных исследований НИУ ВШЭ).

В ходе проведенного теоретического и эмпирического анализа, опирающегося на существующую литературу, нами были выделены пять базовых функций современного государства:

- 1) обеспечение *внешней безопасности*;
- 2) обеспечение *внутреннего порядка*;
- 3) обеспечение *легитимности*;
- 4) обеспечение *управления*;
- 5) обеспечение *развития*.

О характере и степени реализации этих базовых функций государственной состоятельности могут, в принципе, свидетельствовать различные наборы *индикаторов*. С учетом избранного методологического контура исследования и имеющихся статистических и экспертных данных по странам выборки, были сделаны следующие допущения:

Индикаторами, позволяющими судить об обеспечении функции внешней безопасности, являются (а) наличие агрессии на территорию данного государства, (б) наличие территориальных претензий к данному государству и (в) неопределенность границ. Индикаторами обеспечения функции внутреннего порядка являются (а) наличие террористической активности; (б) гражданская война; (в) наличие незаконных вооруженных формирований; (г) исчезновение людей (по данным CIRI⁴); и (д) внесудебные расправы (по данным CIRI). Индикаторы функции легитимности – (а) изменчивость базовых конституционных правил; (в) согласие с основами конституционного порядка; и (г) наличие политических заключенных. В качестве индикаторов функции управления (управленческой способности) выделены: (а) «приватизация» государственных полномочий (формальными или неформальными группами, кланами и др.); (б) эффективность государственного управления (по версии WB); (в) контроль над коррупцией (по версии WB); (г) качество экономического регулирования (по версии WB). Индикаторы обеспечения функции по созданию условий для развития: (а) расходы на здравоохранение (поддержание общественного капитала); (б) расходы на НИОКР (как важный показатель поддержки инновационной деятельности); и (в) внутренний кредит частному сектору (поддержка предпринимательства).

⁴ Cingraneli – Richards Human Rights Data Project. URL: <http://ciri.binghamton.edu>.

Мы сознаем встроенные в избранный нами набор индикаторов *ограничения*, связанные как с их описательной полнотой, так и с «лакунами» в статистических базах данных и возможными погрешностями и разночтениями в используемых нами экспертных оценках. Сознывая эти ограничения и намереваясь преодолеть их в дальнейшем, мы, тем не менее, предприняли предварительный, пилотный анализ в рамках нашего исследования.

Выделенные индикаторы имеют различную природу. При измерении государственности в аспекте государственной состоятельности мы исходили из того, что отобранные индикаторы содержательным образом могут быть разделены на пять групп, каждая из которых отражает степень выполнения государством одной из пяти базовых функций, указанных выше. На основе сгруппированных в пять групп индикаторов строились пять индексов – по одному для каждой функции.

Построение индексов основывается на извлечении первой главной компоненты для каждого набора индикаторов, относящегося к одной из перечисленных выше функций государства. Результатом применения метода главных компонент и извлечения первой главной компоненты как индекса, отражающего тот или иной аспект государственности, является набор из пяти индексов для рассматриваемых государств за два десятилетия (1990-е и 2000-е годы)⁵. Выбор десятилетия в качестве временно-го шага обусловлен тем, что десятилетие оказалось минимальным периодом, за который возможно было закодировать ряд экспертных переменных. При этом значения статистических признаков, изначально включенных в базу по годам, усреднялись за десятилетие. Построение главных компонент осуществлялось по двум десятилетиям одновременно – для того, чтобы различия в нормировке в дальнейшем не мешали изучению динамики государственности.

Ряд построенных индексов коррелируют друг с другом. Несмотря на это, их сворачивание в одномерное пространство не представляется нам достаточно обоснованным: государственность и государственная состоятельность, на наш взгляд, являются сущностно многомерными категориями, не допускающими их формализации как одномерного континуума. Возможны различные «идеальные» модели государственной состоятельности, тяготение к каждому из которых в конкретных страновых

⁵ К сожалению, нам не удалось построить индексы для каждого из 28 посткоммунистических государств в связи с недоступностью некоторой статистической информации за весь рассматриваемый период.

случаях нельзя рассматривать как усиление или ослабление государственности как таковой. Следовательно, понятие государственности не укладывается в одномерное пространство. Именно поэтому вместо построения общего индекса (применением, например, метода главных компонент к полученным на первом шаге первым главным компонентам подгрупп исходных индикаторов) мы предлагаем (в первом приближении) типологию государственной состоятельности посткоммунистических стран и эскиз ее динамики.

Для построения типов государственной состоятельности каждое государство было рассмотрено в качестве точки в пятимерном пространстве, образованном пятью индексами государственной состоятельности. Классификация типов государственной состоятельности предполагала выделение государств со схожими значениями индексов, т.е. «государств-точек», близко расположенных друг к другу в рассматриваемом пятимерном пространстве. Деление государств на группы близких точек осуществлялось с помощью иерархического кластерного анализа на основе квадрата Евклидова расстояния и метода Варда объединения кластеров. Выбор метода Варда обусловлен определенной его предпочтительностью перед другими методами объединения в кластеры, выявленной путем компьютерного моделирования (Gore 2000, Scheibler and Schneider 1985). Кроме того, полученные с его помощью результаты получили достаточно, на наш взгляд, ясную содержательную интерпретацию.

Аналогичный подход был использован для построения траекторий режимных трансформаций. В этой задаче каждое государство характеризовалось набором значений PCADI за 20 лет (1989–2008 гг.) и рассматривалось как точка в 20-мерном пространстве. Государства со сходной траекторией – это государства со сходными значениями индекса демократии во все годы, т.е. точки, лежащие близко друг к другу в анализируемом многомерном пространстве. Алгоритмическое решение задачи классификации режимных траекторий было тождественно тому, которое применялось при определении типов государственной состоятельности.

После построения интегрального индекса демократии и наброска типологии государственной состоятельности мы обратились к выявлению факторов, обуславливающих режимные трансформации, с помощью методов регрессионного анализа. Результаты регрессионного анализа неэкспериментальных данных обычно затруднительно интерпретировать в терминах причинно-следственных связей. Это объясняется такими возможными проблемами регрессионного анализа, как эндогенность. Особенно острой эта проблема оказывается при анализе пространственных

данных, не позволяющих моделировать динамику для каждого отдельного объекта исследования. В связи с этим мы использовали не только кросс-секционную МНК-регрессию, но и модели анализа панельных данных (модели с фиксированными страновыми эффектами) и модели многоуровневых (иерархических) регрессий.

Кросс-секционные МНК-регрессии мы использовали для того, чтобы установить, в какой мере межстрановые различия в значениях структурных факторов на старте режимных трансформаций (1989–1993 гг.) позволяют объяснить различия в уровне демократии в 2008 г. Конечно, использование временных лагов не обеспечивает выявление причинности в регрессионном анализе, но мы полагаем, что такой дизайн в некоторой степени смягчает проблему эндогенности. Кроме того, МНК-регрессии используются не для выявления и исчисления причинного воздействия, а для установления того, в какой мере структурные факторы объясняют результаты трансформации. Для этого используется коэффициент детерминации как показатель доли объясненной моделью вариации.

Осознание того, что исследуемые нами объекты могут характеризоваться существенной ненаблюдаемой гетерогенностью, искажающей результаты регрессионного анализа (проблема пропущенной переменной), обусловило применение моделей анализа панельных данных (описанная выше пространственно-временная организация данных позволяет применять методы анализа панельных данных). Мы использовали модель с фиксированными страновыми эффектами, содержащую для каждого государства отдельную константу, но одинаковые значения коэффициентов при регрессорах для всего массива наблюдений. Наличие отдельной константы для каждого государства позволяет учесть все ненаблюдаемые неизменные во времени эффекты (особенности каждого государства) и приблизиться тем самым к выявлению причинного эффекта включенных в уравнение переменных (в предположении, что учтены все меняющиеся во времени факторы и что влияние моделируемых факторов неизменно). В связи с коррелированностью наблюдений типа «государство – год», относящихся к одному государству, мы использовали робастные «кластеризованные» стандартные ошибки. Выбор моделей с фиксированными эффектами обусловлен следующими соображениями:

1. Государства анализируемой выборки уникальны и не могут рассматриваться как случайная выборка из некоторой генеральной совокупности государств, в связи с чем теоретическое допущение модели со случайными эффектами нерелевантно.

2. Модель со случайными ошибками основана на сильном (непроверяемом и часто неправдоподобном) допущении о структуре ковариационной матрицы ошибок; непосредственное построение модели со случайными ошибками производится с помощью так называемого реализуемого обобщенного метода наименьших квадратов, использующего информацию о ковариационной матрице.

3. Оптимальные свойства реализуемого обобщенного метода наименьших квадратов носят асимптотический характер; объем анализируемой выборки недостаточен для того, чтобы «заработала асимптотика»; свойства реализуемого обобщенного метода наименьших квадратов на конечной выборке исследованы недостаточно, что не позволяет рассматривать этот метод как надежный инструмент получения оценок регрессионных коэффициентов.

При использовании моделей с фиксированными эффектами наиболее острой для нас проблемой оказалась невозможность включения в число регрессоров неизменных во времени признаков. В то же время целый ряд интересующих нас процедурных факторов относится именно к такой группе предикторов. Эта проблема решалась нами несколькими способами.

Во-первых, неизменные во времени процедурные факторы были включены в модель с фиксированными эффектами в качестве дамми-переменной для коэффициентов влияния структурных факторов. Тем самым мы допустили различия в интенсивности и направлении связи между динамикой структурных факторов и уровнями демократии. Такой подход, с одной стороны, делает применяемый нами подход к анализу эмпирических данных более гибким и в большей мере улавливающим гетерогенность объектов наблюдения. С другой стороны, он обеспечивает (вследствие большей гибкости) достаточно высокую объяснительную силу модели (высокий межгрупповой и внутригрупповой коэффициент детерминации). Наконец, такой подход сближает модель с фиксированными эффектами с иерархическими регрессионными моделями, делая осмысленным их сопоставление.

Во-вторых, мы использовали методы многоуровневого (иерархического) регрессионного моделирования. Их применение основано на идее вектора режимной трансформации, под которым понимается общее направление динамики политического режима в течение всего исследуемого периода. Можно выделить три основных вектора (см. Приложение 1): (а) восходящий (движение в сторону построения консолидиро-

ванной демократии), (б) стагнирующий (отсутствие ясного направления движения, выражающееся в горизонтальном расположении вектора) и (в) нисходящий (движение к консолидации автократии). Очевидно, что интенсивность движения в ту или иную сторону может быть различной (это будет выражаться в различной абсолютной величине наклона вектора к оси времени). Точно так же может быть различной собственно траектория, которая может включать в себя отдельные резкие спады и взлеты. Но последнее различие не фиксируется при рассмотрении векторов, оставаясь предметом качественного анализа на основе построенных с помощью алгоритмов кластерного анализа траекторий. Акцент на векторах позволяет исследовать не особенности отдельных исторических событий в том или ином государстве, а выявляемые закономерности, способные быть предметом статистического исследования.

Эмпирическое построение вектора трансформации опирается на линейную МНК-аппроксимацию траектории. В результате для каждого государства получается прямая линия, указывающая линейную связь между уровнем демократии и временем. Свободный член линейного уравнения указывает на стартовый уровень демократии в 1989–1991 гг., а коэффициент наклона – на интенсивность движения государства в ту или иную сторону (в предположении корректности линейной аппроксимации). Задача многоуровневого регрессионного анализа состоит в нахождении переменных, объясняющих различия между свободными членами и коэффициентами наклона построенных для каждого государства векторов. В качестве переменных мы использовали как структурные факторы, так и процедурные.

Различия в примененных нами дизайнах регрессионного анализа естественным образом обуславливают определенные различия в получаемых результатах, требующие различной интерпретации. Вместе с тем нам удалось получить некоторые результаты, относительно устойчивые к смене спецификации модели.

Известно, что результаты моделирования связи демократии с различными социально-экономическими и политическими характеристиками зависят от состава выборки. Пропуски в данных не позволяют нам построить все используемые модели для всех посткоммунистических государств. Наиболее полный набор моделей был построен для 23 государств, исключая Албанию, Армению, Боснию и Герцеговину, Монголию и Туркменистан. Этот набор моделей включает в себя не только кросс-секционную МНК-регрессию индекса РСАДИ в 2008 г. на набор струк-

турных и процедурных факторов на старте режимной трансформации, но и модели изучения индивидуальной динамики на пространственно-временной выборке (модели с фиксированными эффектами, оцениваемые с помощью МНК после внутригруппового преобразования, с кластеризованными стандартными ошибками; модели с фиксированными эффектами и панельно-скорректированными стандартными ошибками).

Получаемые на выборке в 23 государства результаты проверяются нами на устойчивость путем включения максимально возможного в каждом отдельном случае числа государств. В тех случаях, когда расхождения значений коэффициентов того требуют, мы обсуждаем в тексте вопрос устойчивости.

Заметим, что мы не используем методов множественной импутации для преодоления пропусков в данных, поскольку существующие методы основаны на допущениях о том, что порождающий пропуски процесс является MCAR (совершенно случайные пропуски) или MAR (случайные пропуски). Тем не менее внимательное исследование паттернов пропусков в данных позволяет усомниться в обоснованности этого предположения. Данные отсутствуют, в первую очередь, для тех государств, которые характеризуются низким уровнем демократии (зависимость пропусков от игрека). Зачастую при этом отсутствуют значения наиболее проблемных показателей. Такая закономерность пропусков исключает применение методов множественной импутации. Использование построчного удаления (*listwise deletion*), не вызывающего смещения лишь в случае MCAR-процесса, объясняется тем, что по составу объектов генеральная совокупность практически не отличается от анализируемой выборки. Методы статистического вывода, нацеленные на перенесение результатов анализа выборки на генеральную совокупность, используются нами в связи с тем, что мы рассматриваем анализируемые статистические показатели как стохастические в смысле процесса формирования их значений.

4. Результаты анализа данных

Построение интегрального индекса демократии

В соответствии с описанным выше подходом методом главных компонент был построен интегральный индекс демократии. Мы изучили согласованность PCADI с другими индексами демократии и обнаружили

высокую корреляцию полученного нами интегрального индекса с четырьмя другими индексами: Polity IV, индексом Гастила (с обратной шкалой, присваивающей наибольшее значение государству с наиболее высоким уровнем демократии), унифицированным индексом демократии (далее – UDS) Дж. Мелтона, С. Месерва и Д. Пэмстейна⁶ и индексом журнала «Экономист». В Приложении 2 табл. 1 (см. часть 2) представлены полученные значения коэффициентов корреляции К. Пирсона и Ч.Э. Спирмена.

Полученные результаты служат подтверждением валидности построенного интегрального индекса и мотивируют к его дальнейшему использованию в анализе. Обратим внимание на то, что наиболее низкий коэффициент корреляции зафиксирован для UDS, что является, на наш взгляд, свидетельством высокой «зашумленности» этого индекса: авторы метода применили методы байесовской статистики к построению интегрального индекса на основе широкого разнообразия исходных показателей, отражающих разные подходы к концептуализации демократии. Результатом могло оказаться не столько нивелирование индивидуальных ошибок измерения, сколько их накопление и взаимоусиление.

Анализ пространственной выборки

Интегральный индекс демократии PCADI был использован в качестве зависимой переменной при изучении связи результатов демократической трансформации со структурными факторами, к числу которых относились младенческая смертность, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, ВВП/чел., темп прироста ВВП/чел., индекс Джини.

Осознавая остроту проблемы эндогенности, мы использовали дизайн регрессионного анализа пространственных данных, в наибольшей мере, на наш взгляд, позволяющий справиться с проблемой пропущенных переменных и двусторонней связью: индекс PCADI в 2008 г. регрессировался на структурные переменные на старте режимных трансформаций. Для этого значения структурных факторов были усреднены за пятилетку 1989–1993 гг. Результаты построения МНК-регрессии для 23 государств приведены в Приложении 2, табл. 2 (см. часть 2). Модели 1–5 являются парными регрессиями; модель 6 – множественной.

⁶ Unified Democracy Scores (Updated January 4, 2011). URL: <http://www.unified-democracy-scores.org/uds.html>. Методика расчета индекса представлена в: Pemstein, Meserve and Melton (2010).

В связи с малым объемом выборки мы не сочли возможным полагаться на асимптотические результаты и использовали бутстрап для вычисления стандартных ошибок коэффициентов. Выборка бутстрапировалась 10 тыс. раз.

Коэффициент при темпе прироста ВВП/чел. положителен, но статистически незначим: рост экономики на старте транзита оказывается плохим предиктором результатов режимных трансформаций. Это может объясняться тем, что социальная поддержка демократических реформ во многом зависела не от динамики агрегированного показателя экономического развития, а от множества других характеристик общественного развития, более точно отражающих положение граждан (например, коэффициент Джини). Несмотря на статистическую и содержательную незначимость, заслуживает комментария знак коэффициента: положительная связь указывает на то, что государства, успешнее справляющиеся с решением экономических задач, достигают больших успехов в построении демократии.

Статистически значимыми оказываются коэффициенты в парных регрессиях PCAD1 на натуральный логарифм ВВП/чел., ожидаемую продолжительность жизни при рождении, младенческую смертность и коэффициент Джини. При этом знаки коэффициентов согласуются с нашими представлениями о механизмах связи между этими показателями и уровнем демократии. За положительным знаком коэффициентов при натуральном логарифме ВВП/чел. и ожидаемой продолжительности жизни стоит подтверждение идеи о том, что высокий уровень развития является важной предпосылкой становления и консолидации демократии.

Такова же интерпретация отрицательного знака коэффициента при младенческой смертности, которая является хорошим показателем уровня развития общества. Высокий уровень младенческой смертности отражает проблемы государства с обеспечением своих ключевых социальных функций.

Отрицательный знак коэффициента при индексе Джини, как мы увидим дальше, неустойчив к смене спецификации модели. Это объясняется, видимо, сложной связью между уровнем неравенства и уровнем общественного развития. За относительно высоким неравенством может скрываться как бедность широких слоев граждан и при богатстве узкого сегмента элиты, так и высокий уровень сложности социальной структуры, сопровождающийся высокими различиями в уровне доходов. Если первое, по всей очевидности, выступает препятствием для развития демо-

кратии, то второе должно его стимулировать. Отрицательный знак коэффициента может интерпретироваться как свидетельство того, что в парной регрессии отрицательные аспекты неравенства берут верх над его положительными (с точки зрения развития демократии) следствиями.

Отдельного внимания заслуживают коэффициенты детерминации (R^2) построенных моделей. Они указывают на то, что наилучшим образом из всех структурных факторов с уровнем демократии в 2008 г. связаны младенческая смертность и натуральный логарифм ВВП/чел. в 1989–1993 гг. Межстрановые различия по этим показателям позволяют объяснить 56% и 48% межстрановых различий в уровне демократии в 2008 г.

Модель 6 представляет собой множественную регрессию, включающую в себя одновременно все предикторы, использованные в моделях № 1–5. Коэффициент детерминации этой регрессии равен 0,62, что свидетельствует о том, что все пять структурных факторов позволили объяснить (в регрессионном смысле) 62% вариации индекса PCADI в 2008 г. Отметим, однако, статистическую незначимость всех коэффициентов, проистекающую из проблемы мультиколлинеарности. Действительно, натуральный логарифм ВВП/чел. и коэффициент младенческой смертности тесно связаны друг с другом (коэффициент корреляции К. Пирсона между ними равен $-0,81$), в связи с чем на малой выборке в 23 государства оказывается невозможным отделить эффект одного показателя от эффекта другого.

Содержательный интерес, на наш взгляд, представляет вопрос о том, какой процент вариации индекса PCADI могут совместно объяснить рассматриваемые структурные факторы с исключением «дублирующейся» в разных показателях информации. Для ответа на этот вопрос мы провели ортогонализацию пространства регрессоров с помощью метода главных компонент и использовали полученные главные компоненты в качестве предикторов в МНК-регрессиях. Стандартные ошибки коэффициентов, как и ранее, были получены путем бутстрапа. Приложение 2 табл. 3 (см. часть 2) содержит результаты проведенного анализа.

Модель № 8 свидетельствует о том, что первые две главные компоненты объясняют 82,63% совокупной вариации данных. При построении МНК-регрессии они оказались статистически значимы (хотя значимость второй главной компоненты неустойчива: в модели № 7 стандартная ошибка коэффициента выше стандартной ошибки в модели № 8 на 0,07, что приводит к потере значимости на уровне доверия 0,95). Содержательная интерпретация регрессионных коэффициентов при главных компонен-

тах предикторов затруднительна, и наибольший интерес в построенных моделях представляет для нас коэффициент детерминации, равный 0,57. Следовательно, рассматриваемые нами структурные факторы позволяют объяснить межстрановые различия в уровне демократии в 2008 г. не более чем на 57%, если исключить из рассмотрения «дублирующуюся» в показателях информацию и оставить лишь ее статистически значимую часть.

В какой мере можно считать, что необъясненная часть межстрановой вариации может быть отнесена на счет процедурных факторов? Стохастический взгляд на массив анализируемых признаков позволяет допустить и чистую случайность, за которой не стоят никакие доминирующие факторы. Для изучения этого вопроса мы построили регрессионные модели (см. Приложение 2, табл. 4), включающие как наиболее существенные структурные переменные, так и процедурные признаки.

Модель № 9 содержит только две процедурных переменных, отражающих степень «приватизации» государственных полномочий группировками политической элиты, а также дамми-переменную на внешнеполитическую ориентацию государства (переменная принимает значение 1, если государство ориентировалось на Россию, и 0 – в противном случае). Несмотря на то что переменная «Приватизация государственных полномочий в 1990-е» измерена в порядковой шкале и принимает четыре значения, она использована в регрессии как интервальная, поскольку проверка линейности ее связи с индексом PCADI дала положительный результат⁷. Коэффициенты при обоих предикторах отрицательные, следовательно, в государствах с более высоким уровнем приватизированности в 1990-е годы наблюдался в среднем более низкий уровень демократии в 2008 г. То же самое можно сказать о государствах, ориентировавшихся на Россию в 1989–1993 гг. Обращает на себя внимание коэффициент при показателе внешнеполитической ориентации: среднем при прочих равных условиях в государствах, ориентировавшихся на Россию, уровень демократии в 2008 г. ниже на 4,58 пункта шкалы индекса PCADI.

⁷ Для проверки линейности связи была протестирована статистическая значимость различий в сумме квадратов остатков двух регрессий индекса PCADI на «Приватизацию государственных полномочий в 1990-е»: модели с предполагаемой линейностью эффекта предиктора и моделью с dummy на все значения предиктора. Различия оказались незначимыми на уровне 0,05.

Важный содержательный вывод может быть сделан из изучения доли объясненной вариации в модели № 9. С помощью двух процедурных переменных, одна из которых является дамми, удалось объяснить 86% вариации индекса PCADI – результат, не полученный на основе структурных предикторов даже в модели № 6. Этот результат говорит в пользу тезиса о приоритетном значении процедурных факторов в объяснении результатов режимной трансформации.

Модели № 10–12 демонстрируют определенную неустойчивость статистической значимости коэффициента при «Приватизации государственных полномочий в 1990-е», хотя знак во всех моделях сохраняется отрицательным. Выявленная неустойчивость обусловлена, по всей видимости, коррелированностью этого признака с натуральным логарифмом ВВП/чел. ($R = -0,6953$) и коэффициентом младенческой смертности ($R = 0,6367$), обуславливающей слабую коллинеарность предикторов.

Модель № 11, содержащая помимо двух процедурных факторов также натуральный логарифм ВВП/чел., позволяет объяснить (в регрессионном смысле) 93% вариации индекса PCADI. Это указывает на широкий потенциал сочетания структурных и процедурных переменных при объяснении результатов режимных трансформаций на посткоммунистическом пространстве.

Заметим, однако, что при включении в анализ Армении и Туркменистана переменная, отражающая внешнеполитическую ориентацию на Россию, утрачивает статистическую значимость, сохраняя, тем не менее отрицательный знак (см. Приложение 3, табл. 4, модель № 32). Этот результат сохраняется также при включении в анализ помимо Армении и Туркменистана также Албании и Монголии, т.е. при анализе 27 государств выборки (см. Приложение 3, табл. 4, модель № 29–31). Но во всех названных случаях статистически значимым и отрицательным оказывается коэффициент при показателе приватизации государства в 1990-е годы. Полученные результаты не только в очередной раз свидетельствуют о зависимости результатов регрессионного анализа пространственных межстрановых выборок от их состава, но и вселяют в нас определенный оптимизм: коэффициенты не только сохраняют свои знаки, но и демонстрируют приемлемый разброс значений.

Полученные результаты регрессионного анализа потенциально страдают от ряда проблем, затрудняющих их содержательную интерпретацию. В первую очередь, это проблема ненаблюдаемой гетерогенности и эндогенности регрессоров. Несмотря на использование дизайна с лаги-

рованными значениями предикторов (значения структурных и процедурных факторов на старте), мы не можем уверенно исключить, что за выявленными статистическими зависимостями стоят ненаблюдаемые различия государств, при учете которых статистическая значимость регрессионных коэффициентов исчезнет. Для преодоления этой проблемы и проверки устойчивости полученных нами на пространственной выборке результатов мы использовали пространственно-временную выборку (TSCS данные)⁸.

Модели с фиксированными эффектами для пространственно-временной выборки

Пространственно-временная выборка дает возможность изучения совместной динамики набора показателей на индивидуальном уровне и позволяет тем самым справиться (хотя, возможно, не полностью) с проблемой ненаблюдаемой гетерогенности. Модель с фиксированными эффектами, используемая нами в различных вариантах, содержит отдельную константу для каждого объекта наблюдения (государства). Эта константа содержательно отражает все индивидуальные неизменные во времени особенности государства (наиболее очевидный пример – устойчивые пласты политической культуры). Более того, модель допускает коррелированность индивидуальной константы со случайной ошибкой (т.е. определенную форму эндогенности). Случайная ошибка содержит эффекты всех неучтенных нами в модели факторов, обуславливающих отклонение реальных наблюдений от модельной регрессионной поверхности. Эта случайная ошибка, вероятно, связана с индивидуальными особенностями государства, т.е. коррелирует с индивидуальной константой (фиксированным эффектом). Но у нас нет оснований полагать, что динамика регрессоров связана с динамикой случайной ошибки во всей выборке, поскольку мы включили в регрессионную модель все наиболее, на наш взгляд, значимые факторы как структурного, так и процедурного характера.

В то же время мы допускаем, что влияние регрессоров может быть неоднородным в подвыборках. В этом случае один и тот же регрессор может в одних государствах вызывать рост индекса демократии, а в других – снижение. В этом случае при построении единого регрессионного

⁸ TSCS – широко распространенное в социальных науках сокращение от time-series cross-section data.

уравнения с фиксированными эффектами в отдельных подвыборках возможно появление связи между динамикой регрессора и динамикой случайной ошибки. Чтобы учесть эту возможность, мы допускаем различия в коэффициентах регрессии для разных содержательно различимых подвыборок с помощью введения дамми на коэффициент наклона.

Построенные модели представлены в Приложении 2, табл. 5 (см. часть 2). Модели № 13–15 – это модели с фиксированными эффектами и кластеризованными стандартными ошибками, оцененные с помощью метода наименьших квадратов после внутригруппового преобразования. Три модели отличаются только набором регрессоров. В модель № 14 добавлен темп прироста ВВП/чел. как показатель эффективности деятельности государства по преодолению экономических трудностей на старте режимной трансформации. Модель № 15 содержит также натуральный логарифм ВВП/чел. Этот показатель коррелирует с ожидаемой продолжительностью жизни ($R = 0,7214$). Тем не менее содержательный его смысл иной, поэтому из экономических соображений он был включен в модель.

Модель № 16 содержит фиксированные эффекты и панельно-скорректированные стандартные ошибки (подход Н. Бека и Дж. Катца). Модель № 16 основана на предположении о том, что ошибки описываются автокорреляцией первого порядка, общей для всех объектов наблюдения.

Все построенные модели демонстрируют высокую согласованность в оценках коэффициентов и их статистической значимости. Положительные коэффициенты при ожидаемой продолжительности жизни говорят о том, что условия жизни людей, отражающие широкий набор социально-экономических характеристик государства, имеют влияние на успехи в демократическом строительстве. В государствах с более высокой продолжительностью жизни, т.е. лучшими социально-экономическими характеристиками, в среднем наблюдается более высокий уровень демократии. Отдельного комментария требуют коэффициенты при индексе Джини. Ранее, в парной модели № 5, на пространственной выборке мы получили отрицательный коэффициент. В регрессиях № 13–17 коэффициент имеет положительный знак: большее значение коэффициента Джини соответствует большим значениям индекса PCADI. В то же время отрицательным является коэффициент при взаимодействии двух переменных: коэффициент Джини и показатель «приватизации» государственных полномочий в 1990-е годы, где показатель приватизации переведен в би-

нарную шкалу и равен 1 (если исходный показатель приватизации равнялся 3 или 4) или 0 (если исходный показатель приватизации равнялся 1 или 2). Таким образом, введенная переменная взаимодействия равна самому индексу Джини, если государство отнесено к категории приватизированных, и равна нулю в противном случае. Такой подход к изучению эффекта от индекса Джини позволяет получить более аккуратные выводы о влиянии неравенства на уровень демократии – выводы, учитывающие многообразие причин, по которым в тех или иных государствах может отмечаться более высокий уровень имущественного неравенства. Негативные последствия неравенства отмечаются там, где за неравенством стоит бедность широких слоев населения при высоком материальном достатке групп политической и бизнес-элиты. Такая ситуация наблюдается в приватизированных государствах. Наоборот, в неприватизированных государствах при одном и том же ВВП/чел. и ожидаемой продолжительности жизни более высокий уровень неравенства свидетельствует о более дифференцированной социальной структуре и, следовательно, в соответствии с современными представлениями о социальных факторах демократизации, бóльших предпосылках к становлению и развитию демократии.

Результаты регрессионного моделирования подтверждают дифференцированный взгляд на эффект имущественного неравенства. В неприватизированных государствах при прочих равных условиях коэффициент Джини имеет положительный эффект на индекс PCADI. В то же время в приватизированных государствах эффект становится статистически незначимым при прочих равных условиях.

Традиционно отмечаемое ограничение моделей с фиксированными эффектами состоит в невозможности оценить влияние неизменных во времени переменных, поскольку они полностью включены в индивидуальную константу. Нам, однако, удалось зафиксировать статистически значимый эффект приватизации государственных полномочий в 1990-е годы путем включения этого признака в переменную взаимодействия.

Многоуровневое моделирование пространственно-временной выборки

В связи с ограниченностью моделей с фиксированными эффектами при изучении влияния неизменных во времени признаков мы использовали также многоуровневые (иерархические) регрессионные модели ди-

намики. В основе этих моделей лежит построение для каждого государства вектора развития, понимаемого как линейная МНК-аппроксимация траектории демократического развития: в качестве зависимой переменной используется индекс PCADI, а в качестве зависимой – время, измеряемое числом лет с 1989 г. (следовательно, временная переменная принимает значение 0 в 1989 г.). Полученная прямая отражает общее направление трансформации режима и несет содержательно значимую информацию о том, в каком направлении и насколько быстро трансформировался политический режим в каждом государстве. Очевидно, что получаемые таким образом векторы режимной трансформации различаются двумя параметрами: константой, отражающей уровень демократии в 1989 г., и коэффициентом наклона. При этом большой положительный коэффициент наклона свидетельствует о высоком темпе консолидации политического режима, малый положительный или отрицательный коэффициент говорит об отсутствии выраженного вектора трансформации, а большой отрицательный коэффициент отражает процесс консолидации автократии. Исследовательская задача состоит в объяснении различий между государствами выборки по этим двум параметрам векторов. Какие признаки позволяют объяснить различия в начальном уровне демократии (в 1989 г.) и различные направления дальнейшей режимной трансформации?

Такой многоуровневый подход в некотором смысле близок рассмотренным выше моделям с фиксированными эффектами, но технически отличается от них. Кроме того, он позволяет в более непосредственной форме моделировать динамику, понимаемую как изменчивость признака во времени.

В Приложении 2, табл. 6 (см. часть 2) представлены результаты построения многоуровневых регрессионных моделей, включающих в себя как структурные, так и процедурные факторы. Модели № 17–18 приведены как референтные. Они позволяют судить о том, как увеличивается объясненная вариация при включении на модель различных предикторов. Наиболее полной является модель № 20, которая является основой для формулирования содержательных выводов. Отметим устойчивость коэффициентов модели № 20 к исключению из числа регрессоров натурального логарифма ВВП/чел. (модель № 19).

Коэффициент при переменной «Годы с 1989» имеет положительный знак и свидетельствует о том, что большинство посткоммунистических государств в рассматриваемый период развивалось в направлении по-

строения консолидированной демократии. Это, однако, не распространяется на государства, ориентировавшиеся во внешнеполитическом плане на Россию. Их тренд оказывается отрицательным с коэффициентом $-0,08$ ($0,13-0,21$). Следовательно, государства на посткоммунистическом пространстве образуют статистически различимые группы с точки зрения вектора режимной трансформации.

Многоуровневые модели подтверждают сделанный ранее вывод о дифференцированном характере эффекта имущественного неравенства. Если коэффициент при индексе Джини статистически значим и положителен, то статистически значимым, но отрицательным вновь становится коэффициент при переменной взаимодействия коэффициента Джини и показателя «приватизации» государственных полномочий государства в 1990-е годы.

Положительным является коэффициент при натуральном логарифме ВВП/чел., что соответствует нашим представлениям о связи динамики ВВП/чел. и индекса демократии. Мы не используем в качестве регрессора ожидаемую продолжительность жизни из-за ее коррелированности с ВВП/чел. и по соображениям экономии места.

Отметим также, что на 90%-ном уровне доверия статистически значимой оказывается дамми-переменная на сочетание президентской политической системы с поражением оппозиции на первых учредительных выборах. Знак коэффициента при этой переменной отрицательный, что говорит о более низком уровне демократии в таких государствах.

Проведенный статистический анализ факторов режимной трансформации позволяет говорить о том, что структурные факторы обладают существенно меньшей объяснительной силой при изучении различий в режимных трансформациях на посткоммунистическом пространстве, чем процедурные факторы. Нам удалось выявить ряд процедурных факторов, сказывающихся как на уровне демократии, так и на его динамике в посткоммунистических государствах. Устойчивые результаты получены относительно негативного влияния на процесс консолидации демократии такого показателя государственной состоятельности, как «приватизация» государственных полномочий. Это свидетельствует о важности показателей государственности для режимной динамики.

Анализ траекторий режимной трансформации

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что на посткоммунистические режимные трансформации влияют различные сочетания структурных и процедурных факторов при преимущественном значении последних. Мы стремимся выявить эти траектории и влияния с помощью кластерного анализа и визуализации его результатов. В итоге мы получаем шесть кластеров, отражающих различные типы режимных траекторий рассматриваемых нами посткоммунистических государств (графики сгруппированных по типам режимных траекторий приведены в Приложении 4). Дополняя кластерный анализ качественным сравнительным анализом, мы определяем эти кластеры как:

1. *К демократической консолидации* (Болгария, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Монголия, Словакия, Словения, Польша и Румыния).
2. *По пути к демократии* (Албания, Грузия, Македония, Молдова и Украина).
3. *Прорыв к демократии* (Хорватия и Сербия).
4. *Проблемные траектории* (Армения, Киргизия и Россия).
5. *По пути к автократии* (Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Таджикистан).
6. *Консолидированные автократии* (Туркменистан и Узбекистан).

В первом кластере («К демократической консолидации») мы видим посткоммунистические страны, совершившие значительное продвижение к консолидированной демократии, хотя и с различающимися результатами. В большинстве своем они (за исключением Монголии, которая во многом является специфической «аномалией») обладали достаточно благоприятными (хотя опять-таки в разной степени) структурными условиями для демократии. Однако их стабильно восходящие трансформационные траектории явились прежде всего результатом вполне определенных стратегических решений ключевых акторов в пользу демократических «правил игры» (некоторым исключением является Румыния, испытывавшая эпизодические всплески насилия) и их ориентация на Запад (см. Приложение 5).

Во втором кластере («По пути к демократии») – посткоммунистические страны, траектории трансформаций которых (по сравнению с пер-

вым кластером) более неровные, «ухабистые». Эти страны стартовали с различных структурных условий и испытали различные политические кризисы разного масштаба и остроты. Тем не менее лидерам этих стран удалось в конечном счете проложить курс в направлении создания демократических институтов и практик (см. Приложение 6).

В третьем кластере («Прорыв к демократии») – две страны: Сербия и Хорватия, на посткоммунистические трансформации которых крайне негативное влияние оказали широкомасштабное насилие в ходе гражданских войн и вовлечение в конфликты в соседних государствах. Тем не менее под прямым западным влиянием пришедшие к власти новые политические лидеры провели комплексные реформы, позволившие осуществить рывок к демократии (см. Приложение 7).

Четвертый кластер («Проблемные траектории») дает нам примеры трансформаций, на ход которых влияли преимущественно решения и действия политических акторов. Неспособность или нежелание искать компромиссы, избегать насилия, страх перед открытой политической конкуренцией и боязнь потерять власть (а вместе с ней и собственность) – все это привело к возникновению гибридных режимов с неопределенным будущим (см. Приложение 8).

В пятом кластере («По пути к автократии») – страны, стартовые условия трансформации которых существенно различались, в том числе в некоторых случаях были вполне благоприятными. Но общим для них стали действия политиков-автократов, сформировавших явно недемократические режимы с сильным персоналистским компонентом (см. Приложение 9).

Наконец, две страны шестого кластера («Консолидированные автократии») – Туркменистан и Узбекистан – дают нам не вызывающие сомнения примеры замены «советского авторитаризма» «постсоветским», основанным на неопатримониальных и султанистских практиках (см. Приложение 10).

Как уже отмечалось выше, на следующем этапе нашего исследования мы сосредоточились на выявлении типов государственной состоятельности и их динамики (в соответствии с избранной и описанной выше методологией) применительно к странам выборки и с учетом полученных выше результатов. Мы апробировали один из возможных методов выявления типов государственной состоятельности и их динамики применительно к изучаемым странам, включая их соотнесение с типами режимных траекторий.

Каждый из пяти индексов государственной состоятельности был сформирован на основе набора индикаторов и учел не менее 62,5% их совокупной вариации. В наибольшей мере информация, содержащаяся в исходных показателях, была сохранена в индексе управленческой способности (89,34%), а в наименьшей – в индексе легитимности (62,51%). Заметим, что построение индекса легитимности представляет серьезный вызов для исследователя: чрезвычайно сложно найти релевантные данные, позволяющие судить о поддержке гражданами посткоммунистических государств соответствующей политической системы. В этой ситуации мы были вынуждены использовать косвенные индикаторы, возможность сворачивания которых в индекс кажется нам большой исследовательской удачей. В Приложении 11 (см. часть 2) представлены результаты построения индексов государственной состоятельности и показатели их согласованности с исходными индикаторами.

На основе проведенного анализа были построены 5-мерные «паутинки» (*spider webs*), характеризующие государственную состоятельность рассматриваемых стран в 1990-х и 2000-х годах, в соответствии с выделенными выше индикаторами (см. Приложение 12, см. часть 2).

Предварительный анализ выявляет как минимум некоторые значимые зависимости.

Прежде всего, это распределение посткоммунистических стран по *различным типам государственной состоятельности* (разумеется, с учетом промежуточных вариантов). Критериями принадлежности (или тяготения) к различным типам государственной состоятельности являются реальные способности государства обеспечивать внешнюю безопасность, внутренний порядок, легитимность, управленческую способность и условия для развития. Применительно к используемой в исследовании выборке посткоммунистических стран можно выделить два полярных типа государственной состоятельности, которые мы условно (за неимением пока что более точной терминологии и с условием предварительных результатов исследования) называем образно (а) «*полной*» и (б) «*худой*».

Первый тип «*полной*» (или стремящейся к «*полноте*») государственной состоятельности характерен для тех посткоммунистических стран, которые в ходе своих трансформационных процессов, в том числе на основе имеющихся у них благоприятных социально-экономических и иных предпосылок, но прежде всего благодаря действиям ключевых политических акторов, могли принимать и осуществлять политические решения, нацеленные прежде всего на развитие функций современного

социального государства и расширения их «объема». Принципиально важно подчеркнуть, что используемый нами критерий «полноты» государственной состоятельности не соотносится с «силой» или «мощью» государства, его способностью обеспечивать «властную вертикаль» или международное влияние. Это, скорее, государственная состоятельность «с точки зрения потребностей человека и общества».

Среди посткоммунистических стран, стремящихся к понимаемой таким образом «полноте» государственной состоятельности (с учетом обозначенных выше параметров), можно выделить Болгарию, Хорватию, Литву, Эстонию, Словению, Словакию, Венгрию и Польшу. Это страны, стремящиеся к: (а) обеспечению внешней безопасности прежде всего с использованием международных институтов («под зонтиком» НАТО); (б) обеспечению внутреннего порядка при условии отсутствия серьезных вызовов для него; (в) поддержанию необходимых условий для легитимности государства и политического режима; (г) обеспечению качества институтов и административного управления; (д) созданию комплекса условий для развития человеческого капитала, инновационной деятельности и частного предпринимательства.

В этой группе – очень разные страны, и направления расширения «объема» их государственной состоятельности неравномерны. Среди них выделяется стабильная подгруппа стран с относительно ровной динамикой (Словения, Словакия, Венгрия, Польша). Выделяется и подгруппа стран, для динамики государственной состоятельности которых на протяжении двух десятилетий характерно более интенсивное «расширение», причем, по разным «векторам» (Чехия, Румыния, Латвия, Болгария, Литва, Эстония, Македония). Есть и Хорватия – образец драматического по масштабу прорыва к высокой степени государственной состоятельности, практически одновременно с прорывом к демократии не без внешнего влияния. И есть Монголия, которая, несмотря на относительно низкое качество управления и слабые ресурсы для поддержки развития (речь не идет о природных ресурсах), все же тяготеет к этой группе стран.

В случае Украины динамика расширения «неполной» государственной состоятельности медленная и ограниченная.

Важно, что все эти страны, стремящиеся к «полноте» государственной состоятельности (в нашем понимании), движутся в демократическом направлении. Но есть и аномалия, отмеченная нами и в анализе траекторий посткоммунистических трансформаций, в том числе применительно к наличию или отсутствию структурных предпосылок. Это – Молдо-

ва, которая в контексте нашего анализа имеет крайне слабый и однобокий («худой») потенциал государственной состоятельности, но, тем не менее, пока что демонстрирует демократический потенциал развития.

Второй, и полярный, тип государственной состоятельности – условно говоря, «худой». Это те посткоммунистические страны, которые изначально имели относительно ограниченные социально-экономические и иные ресурсы для развития и обеспечения всех функций современной государственной состоятельности. Тем не менее и в этих случаях решающим фактором были не исходные условия, а политические решения и действия.

Одни из них смогли продвинуться в обеспечении внутреннего порядка, какими бы то ни было средствами (в том числе с использованием силовых методов), у других это было результатом преимущественно внешнего влияния, у третьих – результатом внутренней эволюции. У этих стран разные типы и уровни легитимности и разный потенциал поддержки условий для комплексного развития (развития человеческого капитала, научно-исследовательских разработок, поддержки экономических инициатив). В большинстве случаев это явно несбалансированное расширение или, условно говоря, «пульсирующее» изменение объема государственной состоятельности, особенно, когда сохраняются факторы торможения, например, территориальные претензии, низкое качество институтов или ограниченность ресурсов для развития. Это характерно, например, для Армении, Грузии, Азербайджана, Беларуси, Казахстана.

В случае с Киргизией мы и вовсе наблюдаем уникальное для нашей выборки сужение функций государственной состоятельности, что со всей очевидностью связано с турбулентностью политического развития страны в 2000-е годы и кризисным состоянием социально-экономической сферы.

Конечно, связь между типом государственной состоятельности и траекториями трансформации не является прямой. Упомянутые выше монгольская и молдавская «аномалии» – характерный тому пример. Тем не менее наблюдаемая зависимость между расширением «объема» государственной состоятельности и общей траекторией политической трансформации представляется вполне значимой.

Соответственно, для авторитарных посткоммунистических режимов характерна относительно «узкая» («худая» в нашей терминологии) государственная состоятельность, т.е. ограниченное (или избирательное) исполнение функций современного социального государства. Характерные

примеры – Азербайджан (проблемы с обеспечением внешней безопасности, легитимности, административного управления, условий для развития), Беларусь (проблемы с обеспечением управления, легитимности, условий развития), Казахстан (проблемы с управлением и обеспечением условий для развития).

Россия по результатам нашего предварительного исследования демонстрирует определенное расширение государственной состоятельности на протяжении 1990–2000 гг., но достаточно ограниченное.

5. Заключение

Как отмечалось выше, в литературе, посвященной становлению и развитию демократии, по-прежнему конкурируют структурные и актор-ориентированные подходы, вызов которым периодически бросают и альтернативные концепции. Мы не претендуем на то, чтобы поставить точку в этих дискуссиях, но считаем, что наша работа с четырьмя гипотезами может, как минимум, внести уточнения в стоящие за ними теории.

Проведенный анализ эмпирических данных, характеризующих различные аспекты развития посткоммунистических стран, составляющих нашу выборку, позволяет сформулировать несколько утверждений о факторах и предикторах режимных трансформаций в посткоммунистических государствах.

Во-первых, мы обнаружили, что процедурные факторы обладают большим потенциалом объяснения различий в динамике и результатах режимных трансформаций, нежели структурные факторы (*гипотеза № 2*). Этот вывод опирается на сравнение показателей качества регрессионных моделей, построенных для пространственной выборки.

Во-вторых, показатель младенческой смертности, значения которого на старте транзита (1989–1993 гг.) позволяют объяснить значительную часть межстрановых различий в уровне демократии в 2008 г., не оказывается в числе статистически значимых факторов режимной динамики. Этот результат согласуется с нашим представлением о младенческой смертности как некотором обобщенном показателе уровня социально-экономического развития государства, не оказывающем, однако, непосредственного каузального воздействия на уровень демократии. В то же время динамика коэффициента Джини, а также уровня и темпов приоро-

ста ВВП/чел. оказалась взаимосвязана с динамикой индекса демократии. Не претендуя на решение извечного вопроса о первопричине и установление причинно-следственных связей, мы получили достаточно устойчивые эмпирические результаты на основе применения различных спецификаций регрессионных моделей, нацеленных на снижение степени выраженности эндогенности. Перспективным для дальнейшего изучения нам представляется выявленная разнородность связи демократии и имущественного неравенства: поскольку один и тот же уровень неравенства может отражать различные состояния социума, влияние неравенства на демократию, вероятно, зависит от эффектов взаимодействия, т.е. сочетания неравенства с другими социально-политическими и экономическими характеристиками.

В-третьих, проведенный анализ позволил указать процедурные факторы, в наибольшей степени обуславливающие (возможно, опосредованно) динамику и результаты трансформации режимов на посткоммунистическом пространстве – это внешнеполитическая ориентация государства и, вероятно, сочетание выбора президентской системы с поражением оппозиции на учредительных выборах.

Наконец, регрессионный анализ в различных своих вариантах (модели с фиксированными эффектами и многоуровневые модели) показал существенную значимость такого индикатора государственной состоятельности, как «приватизация» государственных полномочий.

Отмеченные выше результаты регрессионного анализа были подвергнуты качественному сравнительному анализу, причем единицами анализа выступали уже не столько отдельные посткоммунистические страны, составившие нашу оригинальную выборку, сколько кластеры этих стран, сформированные по совокупному показателю государственной состоятельности. Можно признать, что государственная состоятельность – это довольно грубый конструкт, призванный связать имеющие видимые результаты процессы посткоммунистических трансформаций с тем, что эти трансформации охватили. Иными словами, посткоммунистические трансформации происходили не в чистых условиях «вакуума», это были изменения обществ, имевших определенный исторический опыт, внешний и внутренний контекст, вынужденных отвечать на конкретные вызовы, решающих вполне определенные проблемы. Причем общества возлагали свои надежды на институты (прямо скажем – на государство, государственные институты), ожидая от них результаты не «хуже», или «ниже» (скорее – существенно «лучше», или «выше»), чем те, к которым они привыкли за десятилетия «реального социализма».

Использование концепта государственной состоятельности позволило не только выделить шесть кластеров, но и выявить довольно устойчивую связь траекторий посткоммунистических трансформаций с характером и динамикой государственной состоятельности, способностью и качеством осуществления государством своих функций (*гипотеза № 4*). Страны, стремящиеся к более полной реализации функций государственной состоятельности (в нашем ее понимании, основанном на массиве теоретической литературы и ограниченном доступной статистикой и экспертными оценками), как правило движутся в демократическом направлении (даже если единожды или периодически «оступаются»). Страны с «узкой» государственной состоятельностью, как правило, являются консолидированными автократиями или движутся по пути к автократии.

Большинство стран, составляющих первые три кластера и последний кластер консолидированных автократий, «работают» главным образом на подтверждение *гипотезы № 1*. Да, 11 государств в первом кластере отличались довольно высокими показателями подушевого ВВП, однако разрыв в показателях составляет зачастую более 100% (не считая Монголию, где данный разрыв еще больше), хотя результаты институционального строительства «бедных» и «богатых» за 20 лет в целом близки. Страны, составляющие кластер консолидированных автократий, выходили из коммунизма с одними из самых низких показателей ВВП на душу населения.

«Полярные» кластеры наилучшим образом подтверждают *гипотезу № 1*, но присутствие Монголии в первом кластере «счастливых» нарушает классический довод сторонников структурных факторов демократизации. К указанному «возмутителю спокойствия» присоединяется и Молдова из второго кластера. Это подкрепляет вывод о том, что неблагоприятные структурные условия могут быть преодолены, и решающими в определенный момент становятся решения и стратегии политических акторов (*гипотеза 3*). Имеются и противоположные примеры, когда в целом благоприятные структурные условия не препятствуют «неожиданной» для них недемократической траектории (Беларусь, Россия).

Отсюда, на наш взгляд, вытекает вопрос: если, как свидетельствует проведенный анализ, решающими для консолидации демократии являются решения и стратегии политических акторов, то насколько ограничены или, наоборот, свободны они в принятии наилучших для установления и поддержания демократии решений и реализации соответствующих стратегий? Если структурные условия неблагоприятны, то какие решения и стратегии выводят на демократическую траекторию? Каков механизм та-

кого «прорыва»? Теория игр и новая политическая экономия дают некоторые подсказки, но не объясняют в полной мере все многообразие использованных стратегий. Иными словами, из сравнительного анализа опыта посткоммунистических трансформаций мы знаем, какие решения и стратегии были выбраны, как они в конечном счете повлияли на результаты трансформаций, но до сих пор мы мало знаем о причинах и ограничениях при выборе решений, который политики посткоммунистических стран были вынуждены делать многократно. Тем не менее вывод о значимости политических акторов, их решений и стратегий открывает возможности для поиска ответов на многие вопросы, нерешенные в рамках дискуссии представителей структурного и процедурного подходов.

Из анализа полученных нами шести кластеров следует, что политики по-разному вели себя при «выходе из коммунизма». Одинаково существенных успехов добились страны, в которых представители «старого» режима и оппозиция совместно управляли «выходом из коммунизма» посредством практик «круглого стола», заранее договариваясь о правилах игры, причем в течение какого-то времени эти стороны должны сохраняться как более или менее организованные силы, выполняющие условия достигнутых соглашений. Но успехов в продвижении к демократии добивались также и те страны, в которых «старый» режим просто разрушался под давлением массовых демонстраций, и к власти приходила оппозиция, которую активные массы и внутренняя конкуренция дисциплинируют, заставляют образовывать коалиции, «играть по правилам» в «игры», «ставки» в которых «не ценою в жизнь» (в прямом и переносном смысле). В первом кластере мы обнаруживаем, в частности, пример Румынии, в которой описанная выше логика стала доминировать далеко не сразу.

Естественно, наиболее значимой причиной повышения «ставки» чаще всего являются внутренние конфликты по разным основаниям (этническим, религиозным и т.п.), сопровождаемые в предельных случаях вооруженным противостоянием (впрочем, вовлечение в межгосударственные конфликты имеют аналогичные последствия). В посткоммунистическом мире за 20 лет они не были большой редкостью. Страны первого кластера, добившиеся больших успехов в консолидации демократии, ими затронуты не были, чего не скажешь о странах второго кластера (за исключением Украины), третьего и четвертого кластеров.

Выбор президентской формы правления тоже способствует повышению «ставки» в силу роста мажоритарных тенденций в духе «победитель получает все». «Счастливы» в первом кластере, а также в двух после-

дующих испытывали и местами испытывают проблемы, выбрав президентскую форму правления, и выходили на менее «ухабистый» путь к демократии, отказываясь или существенно ограничивая президентскую власть. Еще одна значимая причина повышения «ставки» – неоптимальный способ осуществления приватизации собственности, который может в итоге привести к «приватизации» самого государства. В этих условиях проигрыш на выборах может обернуться еще и потерей собственности.

«Снижение» ставок в виде разрешения острых конфликтов (второй и третий кластер), даже если это и оборачивается потерей части территории, и отказа от президентализма, как правило, способствует восстановлению движения стран по пути к более демократическим порядкам, но не является абсолютной гарантией успеха демократии (например, Россия). Здесь немалую роль может сыграть фактор внешней поддержки демократизации (самый яркий пример – страны третьего кластера).

Мы рассчитываем продолжить наше исследование и сделать это по нескольким направлениям. Так, в дальнейшем мы предполагаем расширить выборку стран и используемых в базе данных переменных за счет включения в нее новых параметров, более точно характеризующих различные типы государственности, государственной состоятельности, качества институтов и т.п. Мы по-прежнему будем стремиться сочетать количественные и качественные методы, используемые в сравнительном анализе, пробуя новые их сочетания и виды. Наш опыт также показывает, что исследование процессов демократизации, выигрывающее от сочетания количественных и качественных методов, нуждается в дополнении анализом стратегий, политик, ведущих страны по пути демократизации или, напротив, препятствующих ей.

Литература

Acemoglu D. and Robinson J. (2006) *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Almond G. and Verba S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press.

Bäck H. and Hadenius A. (2008) Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. Vol. 21, No. 1, pp. 1–24.

Bäck H. and Hadenius A. (2008) Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, January.

Barro R. (1999) Determinants of Democracy. *The Journal of Political Economy*. Vol. 107, No. S6, pp. 158–183.

Bartolini S. (2000) *The Political Mobilization of European Left, 1860–1980: The Class Cleavage*. Cambridge: Cambridge University Press.

Boix C. (2003) *Democracy and Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Boix C. and Stokes S. (2003). Endogenous Democratization. *World Politics*, July. Vol. 55, No. 4, pp. 517–549.

Bollen K.A. and Paxton P. (2000) “Subjective Measures of Liberal Democracy.” *Comparative Political Studies*. Vol. 33.

Bollen K.A. and Paxton P. (2000) Subjective Measures of Liberal Democracy. *Comparative Political Studies*. Vol. 33, No. 1, pp. 58–86.

Bunce V. (1999). *Subversive Institutions. The Design and the Destruction of Socialism and the State*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bunce V. and Wolchik S. (2008) Mixed Regimes in Postcommunist Eurasia: Tipping Democratic and Tipping Authoritarian. *SSDD Working Paper Series* (WP 1/2008), pp. 1–28.

Charron N. and Lapuente V. (2010) Which Dictators Produce Quality of Government? – QoG Working Paper Series 2010:11, pp. 1–35.

Chirot D. (2009). Does Democracy Work in Deeply Divided Societies? In: Z. Barany and R.G. Moser (eds.). *Is Democracy Exportable?* New York: Cambridge University Press.

Cingranelli – Richards Human Rights Data Project. URL: <http://ciri.binghamton.edu>.

Collier D. and Adcock R. (1999) Democracy and Dichotomies – A Pragmatic Approach to Choices about Concepts. *Annual Review of Political Science*. Vol. 2, pp. 537–565.

Collier D. and Levitsky S. (1997) Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. *World Politics*. Vol. 49, No. 3, pp. 430–451.

Colomer J. (2000) *Strategic Transitions. Game Theory and Democratization*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

Crouch C. (2004) *Post-Democracy*. Roma-Bari: Laterza.

Di Palma G. (1991) *To Craft Democracies. An Essay on Democratic Transitions*. Los Angeles: University of California Press.

Diamond L. (2002) Thinking About Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*. Vol. 13, No. 2, pp. 21–35.

Diamond L. (2003) *Can the Whole World Become Democratic? Democracy, Development, and International Politics*. Paper 03'05. Center for Study of Democracy. University of California, Irvine.

Diamond L. (2008) The Democratic Rollback. *Foreign Affairs*, March/April, pp. 36–48.

Diamond L. (2010) Why Are There No Arab Democracies? *Journal of Democracy*. Vol. 21, No. 1, pp. 93–104.

Diskin A., Diskin H. and Hazan R. (2005) Why Democracies Collapse: The reasons for democratic Failure and Success. *International Political Science Review*. Vol. 26, No. 3, pp. 291–309.

Eckstein, Harry and Ted R. Gurr, 1975. *Patterns of Authority: A Structural Basis for Political Inquiry*. New York: Wiley.

Epstein D.L., Bates R., Goldstone J., Kristenza I. and O'Holloran S. (2006). Democratic Transitions. *American Journal of Political Science*. Vol. 50, No. 3, pp. 551–569.

Evans P. (1997). The Eclipse of the State? Reflections on Stateness in an Era of Globalization. – *World Politics*. Vol. 50, No. 1, pp. 62–87.

Fish S. (2002) Islam and Authoritarianism. *World Politics*. Vol. 55, No. 1, pp. 4–37.

Fish S. (2009) Encountering Culture. In: Z. Barany and R.G. Moser (eds.). *Is Democracy Exportable?* Cambridge – New York: Cambridge University Press.

Fish S. and Wittenberg J. (2009) Failed Democratization. In: C.W. Haerpfer, P. Bernhagen, R.E. Inglehart, and C. Welzel (eds.). *Democratization*. Oxford – New York: Oxford University Press.

Fritz V. (2007) *State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. Budapest: Central University Press.

Frye T. (2010) Building States and Markets After Communism. The Perils of Polarized Democracy. Cambridge – New York et al.: Cambridge University Press.

Fukuyama F. (2005) “Stateness” First. *Journal of Democracy*, Vol. 16, No. 1, pp. 84–88.

Fukuyama F. (2007) Liberalism Versus State-Building. *Journal of Democracy*. Vol. 18, No. 3, pp. 10–13.

Gastil R. D. (1990) “The Comparative Survey of Freedom – Experiences and Suggestions.” *Studies in Comparative International Development*. Vol. 25.

Gastil R.D. (1990) The Comparative Survey of Freedom – Experiences and Suggestions. *Studies in Comparative International Development*. Vol. 25, No. 1, pp. 25–50.

Giannone D. (2010) “Political and ideological aspects in the measurement of democracy: the Freedom House case.” *Democratization*. Vol. 17.

Giannone D. (2010) Political and ideological aspects in the measurement of democracy: the Freedom House case. *Democratization*. Vol. 17, No. 1, pp. 68–97.

Gleditsch K.S. and Ward M.D. (1997) “Double Take: A Reexamination of Democracy and Autocracy in Modern Polities.” *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 41.

Gleditsch K.S. and Ward M.D. (1997) Double Take: A Reexamination of Democracy and Autocracy in Modern Polities. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 41, No. 3, pp. 361–383.

Gore, Paul A. Cluster Analysis. In *Handbook of Applied Multivariate Statistics and Mathematical Modeling*, edited by Howard E.A. Tinsley and Steven D. Brown. San Diego: Academic Press, 2000, pp. 297–321.

Gurr, Ted Robert. (1974) “Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971.” *American Political Science Review*, Vol. 68, No. 4, pp. 1482–1504.

Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reforms in Postcommunist Transitions*. *World Politics*. Vol. 50, No. 2, pp. 203–234.

Hotelling H. (1933) Analysis of a Complex of Statistical Variables into Principal Components (Continued from September issue). *The Journal of Educational Psychology*. Vol. 24, No. 7, pp. 498–520.

Huntington S. (1991) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press.

Inglehart R. and Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jagers K. and Gurr T.R. (1995). “Tracking Democracy’s Third Wave with the Polity III Data.” *Journal of Peace Research*, Vol. 32, No. 4.

Jagers K. and Gurr T.R. (1995) Tracking Democracy’s Third Wave with the Polity III Data. *Journal of Peace Research*, Vol. 32, No. 4, pp. 469–482.

Kaplan R. (1997). Was Democracy Just a Moment? *The Atlantic Monthly*. Vol. 280, No. 6, pp. 53–80.

Kapstein E. and Converse N. (2008) Why Democracies Fail. *Journal of Democracy*. Vol. 19, No. 4, pp. 57–68.

Lerner D. (1958) *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York: McMillan Pub Co.

Levitsky S. and Way L. (2002). The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*. Vol. 13, No. 2, pp. 51–66.

Levitsky S. and Way L. (2010). *Competitive Authoritarianism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Linz J. (2007) Some Thoughts on the Victory and Future of Democracy. In: D.Berg-Schlosser (ed.). *Democratization. The State of the Art* (Second Revised and Updated Edition). Opladen and Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers.

Linz J. and Stepan A. (1996) *Problems of Democratic Transitions and Consolidation: Southern Europe, South America and post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Linz J. and Stepan A. (eds.) (1978) *The Breakdown of Democratic Regimes*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Lipset S.M. (1959) *Political Man: The Social Bases of Politics*. Garden City: Doubleday.

Mahoney J. and Snyder R. (1995) *Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change*. Unpublished Manuscript. Department of Political Science, Berkeley, CA.

Makarenko B. and Melville A. (2011) How Do Transitions to Democracy Get Stuck and Where? In: Przeworski A. (ed.). *Democracy in a Russian Mirror* (forthcoming).

Mansfield E.D. and Snyder J. (2007). The Sequencing “Fallacy”. *Journal of Democracy*. Vol. 18, No. 3, pp. 5–10.

Moller J and Skaaning S.-E. (2011) *Structural Determinants of Non-Democracy during the Third Wave*. Paper prepared for presentation at the IPSA-ECPR joint conference in Sa0 Paolo, February 16–19, 2011.

Moore B. (1966). *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.

Munck G.L. and Verkuilen J. (2002a) Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices. *Comparative Political Studies*. Vol. 35, No. 1, pp. 5–34.

Munck G.L. and Verkuilen J. (2002b) Generating Better Data: A Response to Discussants – *Comparative Political Studies*. Vol. 35, No. 1, pp. 52–57.

Nettle J.P. (1968) The State as a Conceptual Variable. – *World Politics*. Vol. 20, No. 4, pp. 559–592.

O’Donnell G. and Schmitter P. (1986) *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Pearson K. (1901) On Lines and Planes of Closest Fit to Systems of Points in Space. – *Philosophical Magazine*. Vol. 2, No. 11, pp. 559–572.

Pemstein D., Meserve S. and Melton J. (2010) Democratic Compromise: A Latent Variable Analysis of Ten Measures of Regime Type. *Political Analysis*. Vol. 18, No. 4, pp. 426–449.

Popov V. (2009) *Lessons from the Transition Economies. Putting the Success Stories of the Postcommunist World onto a Broader Perspective*. UNU-WIDER Research Paper No. 2009/15. March 2009.

Popov V. (2010) *The Long Road to Normalcy. Where Russia Now Stands*. UNU-WIDER Working Paper No. 2010/13. February 2010.

Przeworski A. (1992) *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press.

Przeworski A. (1999) Minimalist Conception of Democracy: A Defense. In: I. Shapiro and C.H. Cordon (eds.) *Democracy's Value*. Cambridge: Cambridge University Press.

Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J. and Limongi F. (2000). *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.

Roeder P. (2007) *Where Nation-States Come From: Institutional Change in the Age of Nationalism*. Princeton: Princeton University Press.

Ross M. (2001) Does Oil Hinder Democracy? *World Politics*. Vol. 53, No. 3, pp. 325–361.

Rueschemeyer D., Stephens E. and Stephens J. (1992). *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: Chicago University Press.

Rustow D. (1970) Transitions to Democracy: Towards a Dynamic Model. *Comparative Politics*. Vol. 2, No. 3, pp. 337–363.

Schedler A. (ed.) (2006) *Electoral Authoritarianism. The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner.

Scheibler, D., and Schneider, W. (1985) “Monte Carlo tests of the accuracy of cluster analysis algorithms: A comparison of hierarchical and non-hierarchical methods.” *Multivariate Behavioral Research*, Vol. 20, pp. 293–304.

Sen A. (1999) Democracy as a Universal Value. *Journal of Democracy*. Vol. 10, No. 3, pp. 3–17.

Solt F. (2009) Standardizing the World Income Inequality Database. *Social Science Quarterly*. Vol. 90, No. 2, pp. 231–242.

Spruyt H. (1994) *The Sovereign State and Its Competitors. An Analysis of Systems Change*. Princeton: Princeton University Press.

Teorell J. (2010). *Determinants of Democratization: Explaining Regime Change in the World, 1972–2006*. Cambridge: Cambridge University Press.

Teorell J. and Hadenius A. (2007) Determinants of Democratization: Taking Stock of the Large-*N* Evidence. In: D. Berg-Schlosser (ed.). *Democratization. The State of the Art* (Second Revised and Updated Edition). Opladen and Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers.

Teorell J. and Hadenius A. (2007) Determinants of Democratization: Taking Stock of the Large-*N* Evidence. In: D. Berg-Schlosser (ed.). *Democratization. The State of the Art* (Second Revised and Updated Edition). Opladen and Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers.

Tilly Ch. (2007) *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tilly Ch., ed. (1975) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.

Treisman D. (2010) *Oil and Democracy in Russia*. Working Paper 15667. NBER Working Paper Series. January.

Unified Democracy Scores (Updated January 4, 2011): [Электронный документ] (<http://www.unified-democracy-scores.org/uds.html>).

Vanhanen T. (2009) *The Limits of Democratization. Climate, Intelligence, and Resource Distribution*. Augusta: Washington Summit Publishers.

Zakaria F. (2003) *The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: Norton and Company.

Данн Дж. (2010) Демократия как фантом, мечта и реальность // Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В.В. Иноземцева. М.: Европа.

Ильин М.В. (1995) Очерки хронополитической типологии. М.: МГИМО.

Ильин М.В. (2005) Суверенитет в условиях глобализации // Политическая наука. № 4.

Ильин М.В. (2008) Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. № 4. С. 7–33.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. (2010) Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. № 3. С. 26–39.

Манен Б. (2008) Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского университета.

Мелешкина Е.Ю. (2011) Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. № 2.

Melville, A. Factors of Regime Transformations and Types of State Capacity in Post-Communist Countries : Working paper WP14/2011/04 (Ch. 1) [Text] / A. Melville, D. Stukal, M. Mironyuk ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 52 p. – 150 copies.

This working paper is based on some findings of two research projects carried out in 2010–2011 by the Laboratory of Qualitative and Quantitative Methods of Analysis of Political Regimes with support from the Program of Fundamental Research of the National Research University – Higher School of Economics (Research Project 9.3 New Democracies and/or New Autocracies: Factors of Regime Change in the Modern World, and Research Project 47.0 Quantitative and Qualitative Analysis (including QCA) of Factors of Development and Decline of Stateness of Socialist and Post-Socialist Countries in Europe and Asia at the Second Half of the XX Century and the Beginning of the XXI Century). This preprint deals with factors affecting the regime transformations in post-communist countries. The research is focused on the relative importance of structural ("objective") and procedural (actor-oriented) factors and factors related to stateness and state consistency. Results of the research rely on application of multivariate data analysis and qualitative comparative analysis techniques.

Key words: regime transformations, democracy, democratization, index of democracy, stateness, state capacity.

Препринт WP14/2011/04 (ч. 1)

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Мельвиль Андрей Юрьевич, Стукал Денис Константинович,
Миронюк Михаил Григорьевич

**Факторы режимных трансформаций и типы
государственной состоятельности
в посткоммунистических странах**

(Часть 1)

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,2
Усл. печ. л. 3,1. Заказ № . Изд. № 1390

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15